

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

МЕЖДУ
СВЕТОМ И ТЬМОЙ

12+

Юрий Горюнов

Между светом и тьмой

«Автор»

2011

Горюнов Ю.

Между светом и тьмой / Ю. Горюнов — «Автор», 2011

Случайная встреча, случайный вопрос дали ему возможность встретиться одновременно с Создателем мира и хозяином ада.- Скучно? Разве с ними соскучишься? Постоянно что-то выдумывают, только и смотри, что натворят, того и гляди планету угробят. Как дети несмышленные. Да они и есть дети, если судить по масштабам времени. А тебе что с ними скучно?

© Горюнов Ю., 2011

© Автор, 2011

МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ....

Глава 1. Обращение.

«Господи! Если ты реально существуешь, то зачем ты создал мир, в котором столько жестокости, несправедливости! И У тебя же было время. Были иные возможности и время, чтобы не торопиться. Если ты есть, то почему не исправишь этот мир? Зачем ты поторопился и создал его за шесть дней. Что можно сделать хорошего такой величины за столь короткий срок. Неужели не найдется никого, кто осмелится и сможет вызвать тебя на суд человеческий», – эти причитания я услышал не в надрывном крике, когда человек переживает постигшее его горе, когда все кажущееся разумные действия предприняты и остается уповать только на чудо, на Всевышнего, что он услышит этот одинокий крик души в общем хоре голосов взывающих к нему.

Все это я услышал совершенно случайно. Я сидел на скамейке станции метро в ожидании состава. Это была малолюдная станции, где большой поток пассажиров был только в час пик, но в это время рабочий день уже давно закончился и платформа была практически пуста, лишь отдельные пассажиры, как и я, по только им, ведомым причинам, оказавшиеся здесь, тихо стояли, или сидели в молчаливом ожидании, погруженные в свои мысли. В этой тишине я отчетливо услышал бормотание рядом. С интересом и украдкой чуть повернув голову, чтобы было не так явно заметно, я посмотрел, откуда раздался голос и увидел, что это разговаривает моя соседка по скамейке. «Чего только не слышишь, когда пользуешься общественным транспортом, – промелькнула мысль, – это не радио в машине».

В этот день, я еще утром решил отказаться от машины, так как деловых поездок не намечалось, а стоять пробках, даже ради себя любимого мне не хотелось и я выбрал широкую сеть общественного транспорта. Работа у меня была в сорока минутах езды на метро и вот я, Дмитрий Захаров, врач – косметолог, сорока пяти лет отроду, стройный, еще не потерявший привлекательности, выше среднего роста, смуглый, кареглазый брюнет, с чуть подернутыми седой висками ехал домой. На работе задержался потому, что жена попросила приготовить ей крем для лица. Моя жена – Вика, работала в модельном бизнесе теперь уже администратором, и внешний вид должен быть соответствующим. Хотя надо быть объективным внешний вид женщины не должен зависеть от ее деятельности.

Признаться, я мельком взглянул на пожилую женщину, когда садился на скамейку и только когда услышал то, что донеслось до моего слуха, услышал ее интонацию вопросов, я присмотрелся к ней. Это была женщина лет за семьдесят. Одетая она была хоть и бедно, но чисто. Одежда ее – темно-синее платье и поверх него бордовая вязанная кофточка, были староваты. Черные туфли также были далеко не новые, но чистые. В руках была черная небольшая хозяйственная сумка, в которых пожилые женщины носят все свои документы. Весь ее внешний вид свидетельствовал, что финансовая сторона была для нее сложной. «Куда и откуда она едет? Что вынудило ее в вечернее время ехать?» – пронеслось у меня в голове. В это время к платформе подошел состав и она, поднявшись, вошла в вагон, я вошел следом за ней. Свободных мест было достаточно и она села около двери. Не знаю, что меня подтолкнуло, какая-то интуиция или еще что, но я сел рядом с ней.

Двери закрылись и поезд, набирая ход устремился в тоннель.

– У вас все в порядке? Вам не нужна помощь? – обратился я к ней, чуть повысив голос, стараясь, чтобы она услышала меня сквозь грохот колес.

Женщина повернулась ко мне. На фоне ее иссиня седых волос, смуглом лице испещренном морщинами выделялись темно-синие глаза, как бездонное вечернее небо. Они казались моложе, чем она сама. Она чуть улыбнулась мне, что придало ее лицу приятные черты, морщинки стали глубже и прорезали ее лицо и сказала:

– Спасибо. Все хорошо. А почему вы спросили?

– Я услышал, как вы разговаривали сами с собой сидя на скамейке в ожидании поезда.

– Очевидно, я разговаривала вслух сама с собой?

– Да, так, немного и не громко.

– Однако, достаточно, чтобы вы услышали. Что делать? В моем возрасте иногда начинаешь разговаривать вслух с собой, чтобы за долгие часы молчания в одиночестве, услышать живой голос, пусть хоть свой. А помощь? Она всегда нужна. В той или иной мере. Всегда и всем.

– Я могу помочь?

– Увы, нет. Вы не можете изменить ход моей жизни и сделать меня моложе и оптимистичнее.

– Иногда мне это удается.

– Вы чародей?

– Нет, я всего на всего врач-косметолог.

– Тогда я не ваша пациентка. Можно попытаться быть моложе лицом, но не состоянием души.

– Да, здесь я согласен.

– Вот в этом и дело, а кто имеет возможность и в силе, тому я, наверное, безразлична. Да вы не обращайте на меня внимания. Мало ли, что говорят пожилые люди, когда есть возможность высказаться вслух. Хоть голос свой послушать.

Она замолчала, я а посчитал не очень приличным навязываться в собеседники и выпрашивать ее. Во время поездки она была погружена в свои мысли, а я предавался простому созерцанию окружающих пассажиров и реклам на стенах вагона.

– Мне пора выходить. Спасибо за предложение помощи. Всех вам благ, – вдруг услышал я. Моя попутчица смотрела меня глазами, в которых я увидел доброту и смирение.

– И вам всего доброго.

Она поднялась и подошла к дверям вагона, я посмотрел ей в след. Выйдя, она направилась вдоль состава к выходу со станции. Сухой голос объявил следующую станцию, на которой мне надо было выходить, и двери закрылись. Странная спутница шла вдоль перрона, когда вагон, обогнал ее.

Сколько их таких вот пожилых на всей земле, которые живут, совершая добрые поступки и мелкие грехи. Их мгновения радости часто были реже, чем периоды грусти, иначе, откуда такие вопросы в никуда. Радостный человек не задается такими вопросами, – подумал я о пассажирке, но ее рассуждения заставили меня задуматься, что в ее словах есть доля разумности.

Поезд подошел к моей станции и я, выйдя из метро, пошел домой пешком. Идти было не далеко, две трамвайные остановки. Можно было, и проехать, но вечер был теплый и упускать такую возможность спокойно пройти я не стал. Диск заходящего солнца уже не был виден из-за домов, но его лучи горели бликами в окнах верхних этажей, обращенных на запад. Это было время, когда солнце еще было над горизонтом, но тени захватывали нижние этажи, куда прямой солнечный свет уже не проникал, отдавая место ночным сумеркам, которые наступали на землю, но пока еще была власть света. Ясное небо не предвещало изменения погоды.

Дневной зной уже прошел, и вечерняя прохлада приятно ласкала лицо. Идя праздной походкой, никуда не спешащего человека, я смотрел на проходящих мимо людей, которые в большинстве своем, так же шли, наслаждаясь вечером. Вот обогнал двух пожилых мужчин, которые что-то обсуждая, просто гуляли. «Счастливые, они уже могут себе позволить, просто так идти, зная, что весь вечер в их распоряжении и впереди тихий уют дома, после вечерней прогулки», – посетила меня мысль, когда проходил мимо них. Несколько девушек, прошли навстречу, что-то весело обсуждая между собой. Они мельком, как бы украдкой бросили на меня свой оценивающий взгляд, в котором я увидел лучики лукавства. Их задорный, не гром-

кий смех, привлекал внимание. «Милы. Молодость всегда мила и очаровательна. И можно позавидовать их умению радоваться своей молодости, когда еще только предстоит познать этот удивительный мир. А что это ты так про них? А сам, что уже старик? Нет, видишь, еще бросают оценивающие взгляды. Значит, еще не все познал, в этой жизни и есть интерес не только у тебя к людям, но и к тебе», – размышлял я о себе как о стороннем человеке.

Моя, неспешная, походка, была походкой уверенного человека, у которого все благополучно, что все самое необходимое, что делает жизнь радостной, есть.

Погруженный в свои размышления и разглядывание прохожих, я возвращался памятью к странной встрече в метро. Мысли об этом, то возникали, то исчезали, но не отпускали от себя далеко.

Когда я вошел в квартиру, открыв дверь ключом, то на встречу вышла Вика.

– Привет, дорогой! Ужин уже готов. Что-то ты припозднился.

– Привет. Задержался немного, тебе же крем готовил.

– Спасибо за внимание. Я ушла сегодня раньше и когда возвращалась, увидела машину около дома, думала, что уже вернулся, но, увы, ошиблась. Ты сегодня машину не брал? Что так?

– Не захотел стоять в пробках. Днем было некуда ездить, вот и решил так запросто с народом.

Сняв ботинки и поставив портфель на скамеечку, я прошел в ванную мыть руки.

Вика вернулась на кухню, накрывать стол и когда я туда вошел, то все стояло уже на столе.

– Садись. И я с тобой заодно перекушу. Скучно одной ужинать.

– А где Евгений? – спросил я про сына

– У однокурсника, придет скоро.

– Слушай, Вик, достань водочки.

– О как! Что это ты? – удивилась Вика, так как это бывало очень редко, чтобы я попросил выпить. Она достала из холодильника бутылку водки, из шкафчика рюмку и поставила передо мной. – У тебя, Дим, что день сладкий был, что захотел для контраста горького? Или клин клином?

Ничего не ответив, я налил себе в рюмку водки, выпил, закусил и только потом ответил:

– Обычный день, обычная рутина, обычные операции, но вот была в этом дне некая особенность, – и рассказал о встрече в метро и об услышанном.

– А знаешь, я в чем-то с ней согласна. Меня иногда посещают подобные мысли. Почему так устроен мир? Кем создан? И если не сам образовался, а действительно кто-то создавал, то почему такой?

– Вот и я о том же. Но меня больше поразила ее фраза, что осмелится ли кто-либо вызвать Всевышнего на суд человеческий. Что же надо чувствовать, испытать, чтобы решиться на такое обращение?

– Да, смелость здесь нужна. Трудно представить эту встречу, когда тебе говорят: «Я Всевышний. Ты хотел меня судить? Давай попробуй». А как ты думаешь, он есть?

– Откуда я знаю. То же самое могу спросить и у тебя. Его никто не видел, но отрицать, что его нет, как-то не получается.

– А Библия?

– Так она же не сама появилась. Ее писали люди.

– Вот они и видели?

– Ну, да. Наблюдали, как он создавал землю, а потом описали или по его рассказам.

– А ты смог бы с ним говорить? Высказать вслух даже не свое личное, а как бы высказать некое мнение. Как ты себе это представляешь?

– Никак. Все от ситуации зависит. Давай оставим эту тему. Он ни к чему не ведет.

– Почему? Мы с тобой не так часто разговариваем о духовном, все больше о материальном. Приземленные мы. Кстати, а как она выглядит?

– Невысокая, худенькая, но что поразило, так это ее глаза, которые удивительно молодые, никак не по ее возрасту. Они блестят, и в них сквозит одиночество.

– Это она сказала, что одинока?

– Нет, конечно. Ее фраза о молчании и разговоре с собой. Да и в глазах ее все равно проскальзывала грусть одиночества.

– Успел рассмотреть? – улыбнулась Вика. – А ей точно за семьдесят, а может тридцать?

– Забыла, кем работаю? Я часто вижу лица, лица женщин, и конечно, их глаза.

– И что ты в них видишь?

– У каждой свой взгляд, взгляд тревоги, надежды, ожидания. Научился быстро всматриваться. Издержки профессии.

В это время звук входной двери известил, что вернулся сын. Он был взрослый парень, двадцати лет. Учился медицинском институте, пошел по моим стопам.

– Привет, родители. Я вернулся. Что у вас здесь за посиделки? О чем беседа?

– Да, вот о высших материях, о духовном. Есть Бог или нет, а если есть то, что с ним можно обсудить.

– Тогда это без меня. Вы начинаете стареть, если пошли в такие темы. Ужинать не буду, – и он ушел в свою комнату.

– Ему еще рано об этом думать, точнее не рано, а не созрел. К этому каждый приходит сам. Может и верно, – резюмировала Вика.

После ужина, Вика, убрав посуду в посудомоечную машину, прошла в зал и сев в кресло, включила телевизор, я проследовал за ней. Просмотрев газеты, которые купил по дороге, и не найдя в них ничего интересного для себя, сказал, что пошел спать, так как время перевалило за одиннадцать, а утром вставать рано. Вика кивнула головой, ей утром спешить было некуда, и она могла себе позволить поздно лечь спать.

Приняв душ, я прошел в спальную, включил лампу на прикроватной тумбочке, взял книгу и лег. Любил почитать перед сном, это несколько отвлекало от дневных забот, помогало расслабиться. Через некоторое время вдруг понял, что не понимаю, что читаю, не улавливаю смысла. Снова посещали мысли о пожилой женщине и ее словах.

Да что такое, – подумал я, – какая-то случайная встреча. А бывают ли случайности в этом мире? Это с какой стороны посмотреть. Со стороны реальности – случайность события очевидна, со стороны психологической нет. Ну, хорошо, предположим ее слова действительно представляют интерес. И что? Мне, что до этого? Я не судья и даже, если бы это было возможно, чтобы я мог спросить при встрече? Почему? Глупый вопрос. Потому – вот ответ. Почему он стал бы отвечать? Хотя если быть объективным, интересно было бы поговорить. Но дело в том, что суть ее рассуждений – суд человеческий, что проблематично. Я не уполномочен для этого. А нет, значит надо отогнать эти мысли и уснуть. Завтра трудный день».

Но засевавшая в голове мысль не отпускала. «И все – таки, если ты есть, Создатель всего и вся, то может быть, снизойдешь, до разговора со мной? Мне лично ничего не надо, но вопросы есть, и они озвучены другими. Если ты реально существуешь! Если ты не фантазия, не мечта людей, как о справедливом, добром, то почему ты молчишь? Почему не отзываешься на зов страждущих? Или ты не слышишь их просьб, молитв? А если слышишь, то почему молчишь? Может быть, услышишь меня? Да, меня никто не уполномочивал обращаться к тебе от имени всех, но может быть, ты отзовешься? История умалчивает о твоём реальном общении, а тем более держании ответа перед человеком. Там может быть сейчас? Найди время. Я призываю тебя к ответу. Если ты существуешь, то обрати свой взор на меня. Если у тебя есть правила, которые ты не нарушаешь, то может быть пришло время их нарушить? Теперь твой ход. Ты всемогущ, тебе и решать», – так размышлял я, лежа с закрытыми глазами.

Читать не хотелось и, положив книгу на тумбочку, выключил свет. Какое – то время еще бродил в лабиринтах своих мыслей, а потом заснул.

Что-то заставило меня проснуться. Я открыл глаза, посмотрел и увидел, что Вика уже спит, значит, время позднее. До моего слуха донесся дробный звук и, поняв, что это дождь барабанит в окно, поднялся. Спасть, как ни странно, не хотелось. Тихонько, чтобы не разбудить жену, прошел на кухню, поставил греться воду в чайнике и подошел к окну.

За окном бушевала гроза. Ветер гнал по небу тяжелые темно-серые тучи. Тьма накрывала город там мощно, что не было видно верхних этажей высотных домов, которые стояли мрачными исполинами, уходя в тучи. Об очертаниях окон, в которых не было света, можно было только догадываться. Молнии освещали контуры домов, когда рассекали своими вспышками небо. Сквозь темень не было видно никого живого на улице, лишь фонари одиноко, точечно, освещали тротуары. Их свет рассеивали потоки дождя, которые заливали ночной город. Гроза загнала все живое в укрытие.

Гром своими тяжелыми раскатами, взрывал тишину и его звук отдавался в оконном стекле. После его раската по небу проносилась молния, словно давая возможность увидеть мир в его серых оттенках. Зрелище было впечатляющее. Ливень барабанил каплями в окно, словно просил открыть его, напрашиваясь в гости.

Чайник на плите известил, что вода вскипела, и я налив чаю в бокал, снова подошел к окну. Гроза не унималась. Рассматривая черноту неба, я вдруг заметил некую особенность. Тучи в одном месте стали светлеть, образуя пятно, которое явно выделялось на фоне темных туч, словно кто-то раздвигал их. Мое воображение нарисовало среди этого светлого пятна глаза. Да, я увидел два глаза, которые выражали интерес, и как будто вглядывались в меня. Я не испытывал страха, я испытывал удивление от увиденного и чувствовал, что кто-то пытается рассмотреть и понять меня. Так бывает, когда мало знакомый собеседник смотрит на вас, пытаюсь проникнуть в ваши мысли, не говоря при этом ни слова. В моей голове была пустота. Мысли покинули ее, как бы очищая для дальнейшего заполнения информацией, которую я должен буду осмыслить от увиденного.

Сколько длилось это безмолвное созерцание, я не знал, может быть несколько секунд, может быть несколько минут. Постепенно глаза стали тускнеть и облака затягивать пятно. Все вернулось. Тучи снова стали однообразно рваными.

Я заметил, что гроза прекратилась и только дождь, стихая, все еще стучался в окно. В свете уличных фонарей уже были видны не потоки, а легкая моросящая сыпь. Закрыв глаза, я в памяти восстановил картину увиденного. «Как причудливо рисует картины природа, – пронеслось в голове, – не забываемое зрелище. Глаза природы, которая вокруг нас оказывается, так добры, что можно сказать с уверенностью, если не считать это за галлюцинацию, то я увидел в них интерес, любопытство».

Снова посмотрев за окно, вглядываясь в ночной город, в его темноту, я заметил, что она стала отступать, уступая место рассвету, который проявлялся слабой полоской от лучей восходящего солнца поверх крыш домов. Поставив чашку на стол, направился спать и чувства, что за мной наблюдают, не было. Было спокойствие и ощущение ожидания развития каких-то необычных событий.

Глава 2. Ирина Сергеевна.

Дни летели своей чередой в суете и заботах, но память о той ночи не отпускала меня, я словно в тот миг переступил некую черту в своей жизни. Вроде бы все, как обычно, но какое-то странное чувство жило во мне, не покидало меня в минуты, когда оставался наедине с самим собой и не был занят повседневными делами. Я словно чего-то ждал, не зная, что, словно какую-то сказку, которую забыл взять из детства или в которую перестал верить. Я старался не придавать этим ожиданиям внимания, но все-таки понимал, что хотел удивиться, потому что пока человек способен удивляться и ждать, значит он жив, значит способен радоваться, огорчаться, познавать мир. Моя интуиция подсказывала, что все еще впереди, надо только ждать. Жаль не сообщала, сколько ждать, но периодически возвращала память в ушедшую ночь, но

не открывала будущего. В минуты одиночества я позволял себе роскошь быть откровенным самим с собой и признавался, что хотелось необычного, что внесет в размеренную жизнь новые ощущения. Самым разумным было бы все забыть и перестать думать. Я хотел так, но не получалось.

Память о той случайной встрече стала уходить на задний план. В один из обычных дней я проезжал на машине по небольшой улочке и вдруг увидел ту женщину. Она стояла у входа продуктовый магазин, что-то пересчитывая в руке. Остановив машину, я подошел к ней. Не хотелось ее напугать своим неожиданным появлением и, подойдя, тихо сказал:

– Здравствуйте. Как это ни покажется странным, но встреча повторилась, и я не против был вас снова увидеть.

Она подняла на меня глаза и окинула взглядом. Он был тихий спокойный.

– Зачем?

– Я однажды ехал в метро рядом с вами. Вы тихо разговаривали сами с собой, и я слышал.

Она чуть улыбнулась, – Да, я вас вспомнила. Что делать, пожилые люди иногда углубляются в свои мысли и произносят, что думают вслух, словно выпуская свои мысли из себя. Нельзя держать их взаперти. Нам надо прощать эти поступки. Надеюсь, я не очень огорошила вас?

– Нет, что вы. Как раз то, что вы говорили, меня заинтересовало.

– И что вы услышали?

– Вы говорили о том, что зачем Бог создал мир за столь короткий срок.

– А вы не согласны?

– Не знаю. Но мне хочется понять, если вас не затруднит, то может быть, вы уделите мне немного времени, чтобы мы могли поговорить?

– Возможно. Я не так часто общаюсь, особенно на такие темы.

– А когда это возможно?

– В любое время. Я уже давно свободна.

– А сейчас?

– Мне надо купить продукты и разговаривать на улице не стоит. Я могу пригласить вас к себе. Я живу рядом. Бояться мне нечего, брать тоже. Живу скромно. А на честь уже давно никто не покушается, промолвила она с улыбкой.

– Раз вы пригласили меня в гости, а точнее я сам напросился, то позвольте мне, что-то купить для встречи, я не привык ходить в гости пустым.

– Хорошая привычка.

– Извините, но я не спросил, как вас звать?

– Ирина Сергеевна.

– А меня Дмитрий и ко мне лучше обращаться на ты.

– Если тебе так удобнее.

Мы зашли в магазин, где, не позволив ей тратить свои деньги, я купил то, что она хотела купить сама. Я понимал, то, что она стояла у входа и считала деньги, говорило, о ее финансовых трудностях. Не так часто я совершал добрые дела, но для нее хотел сделать хоть что-то. Она нравилась мне своей простотой, уверенностью и какой-то внутренней добротой. Одета она была, как и в прошлый раз скромно и чисто. Было видно, что она не может позволить себе, что-то лишнее, даже урезая себя в необходимом, поэтому я купил целый пакет всевозможных продуктов.

Ирина Сергеевна жила рядом, в соседнем дворе. Мы поднялись на второй этаж пятиэтажного дома и она, открыв, дверь и пропустила меня вперед. В небольшой прямоугольной прихожей стоял шкаф для одежды, около входной двери на стене висело большое зеркало, а под ним маленький столик. Ирина Сергеевна положила ключи на столик и пригласила: – Проходи. Продукты на кухню, – и она указала на открытую дверь слева.

Войдя в маленькую кухню, где стоял холодильник, стол и пара шкафчиков для посуды, я обратился: – Продукты в холодильник?

Она кивнула.

Когда я стал доставать из пакета продукты и укладывать их в холодильник, то чувствовал на себе ее взгляд, но промолчал, считая, что любая моя фраза будет лишней. Закрыв дверку холодильника, повернулся к ней, и она сказала – Спасибо.

Это спасибо было для меня больше чем, многие слова других. В нем была истинная благодарность, при этом я понимал, что это нужно в первую очередь ей, потому, что от всего сердца.

– Проходите в комнату, я сейчас поставлю кипятиться чайник. Будем пить чай, тем более что ты к нему уже все купил.

Я прошел в комнату. Убранство было скромным. По середине комнаты стоял круглый стол, накрытый белоснежной скатертью. У правой стены сервант с посудой и платяной шкаф. У противоположной стены разместился диван, над которым висела книжная полка. Ближе к окну маленький столик, на котором лежала раскрытая книга. В углу, около окна, телевизор, которые давно не выпускали. Мебель была, конечно, моложе ее, но даже она годилась бы мне по возрасту в бабушки. Что меня поразило, так это множество фотографий в рамках на стенах. Они занимали все свободное место стен. Я видел лица людей, которых возможно уже давно нет. Это была история жизни. Все фотографии были черно – белые.

Ирина Сергеевна вошла в комнату, неся чайник и вазочку с печеньем, – Рассматриваешь мое прошлое? – и, поставив чайник и вазочку на стол она пошла снова на кухню и принесла чашки и баночку варенья, – варенье домашнее. Подруга приносит.

Она окинула взглядом стены и сказала, – иногда глядя на эти фотографии, я возвращаюсь в прошлое. Там была реальность. В будущее мне смотреть уже не интересно. Там все предсказуемо. В будущем нет одной важной детали. Там нет ностальгии. Она всегда живет только в прошлом. Впрочем, она у тебя, наверное, тоже есть, но у тебя есть и будущее, пусть не ясное, но в этом, пожалуй, есть своя интрига. Да, ты проходи, садись.

Я сел на стул спиной к окну, она села напротив, и стала наливать чай.

– Уютно у вас. Чисто и все как-то аккуратно.

– А что мне еще делать? – Ирина Сергеевна посмотрела на меня. – Вот и навожу порядок, чтобы себя занять, а иначе от безделья и старости стану маразматичкой.

– Что вы такое говорите!

– Говорю, как есть, уже могу это себе позволить.

Я впервые рассмотрел ее лицо. Простое, открытое. Когда она обращалась ко мне, я видел взгляд, в котором затаилась и грусть, и ласка. Гладкие волосы зачесаны назад. Лицо, испещренное морщинами, выражало какую-то внутреннюю доброту.

– Так что тебя заинтересовало в моем позыве? – сказала она, когда в чашки был налит чай.

– Ваше отношение к Всевышнему. Очень неожиданное заключение, особенно, если вы верующая.

– Все мы верующие. Только каждый определяет сам своим внутренним состоянием свою веру. Она у каждого своя. Если бы была едина, было бы легче. Всем.

– Но религий много и каждой свой Бог?

– Это лицо Бога у каждой религии свое, а так он, наверное, един. Просто в силу образа развития каждого народа выработались свои правила, свои взгляды, свое отношение к религии.

– Но каждая религия имеет свои каноны, которые отличаются.

– И что? Все их соблюдают? Вот и устанавливает сам себе каждый границы. Ты же знаешь поговорку «сытый голодного не разумеет». Здесь, тоже самое. Мои взгляды не всегда могут сходиться с другими, но каждый грешен уже в своих суждениях, так как считает их весомее.

Наверное, есть безгрешные люди, но я таких не встречала, но верить, что они есть, хочется. Я уже давно живу.

– И как быть?

– Не знаю. Да, ты пей чай, а то остынет. Чай должен быть крепким, сладким и горячим.

– Ну вот, вы говорили, что он ошибся, сотворив мир за шесть дней. В чем его ошибка, что вы недовольны этим?

– Я не могу вспомнить, что я говорила, но думаю, что я не говорила про ошибку. Не могла так думать.

– Да, верно, что можно сделать хорошего за шесть дней.

– Это возможно. Человек, живя несколько десятилетий, если оглянется назад, то может часто увидеть, что в целом прожил жизнь и, возможно, не плохую, но многого не сделал, о чем мечтал, что хотел. Не смог, не получилось. И это за несколько десятилетий. Конечно, он Всемогуш и для него длительность человеческой жизни – миг. Но прожив жизнь, начинаешь понимать, что были моменты, когда жизнь могла сложиться иначе, но она такая, какую прожил. И прожитая жизнь, это плата за рождение. В мире нет ничего бесплатного, разве, что кроме благодати, которую называют Божьей, хотя никто не может сказать, что это такое. Это просто состояние человека в какие-то моменты. А так, за все надо платить, и складывается впечатление, что жизнь дана в долг. Мы все здесь кому-то обязаны. Оттого и грустно.

– Мне не приходилось встречать человека вашего возраста, который так излагает свои мысли.

– Дима, мне восемьдесят лет. Есть возможность рассуждать. Я одинока, так получилось, иногда рассуждения утоляют голод отсутствия общения. Утоляют одиночество.

– И все-таки. А что бы вы спросили, если бы вам довелось встретиться с Богом?

– Если он есть, я с ним встречусь, не долго мне осталось, а вот удастся ли спросить не знаю. Ты бы еще спросил, чтобы я спросила, встретившись с сатаной. Я не слышала и не видела ни того, ни другого. И не верю в то, что их видели другие. Я думаю им этого не надо – быть на виду. Хотя, доведись, встретиться я думаю, что сказать или спросить будет нечего. Разве только задам простой вопрос, что озвучила невольно. Зачем? Но не спрошу.

– Почему?

– Потому, что предстающие не спрашивают, они отвечают.

Она замолчала, я не прерывал ее задумчивости, мало ли о чем она сейчас думает, что возможно не для меня. Она привыкла разговаривать с собой, находя в своем лице достойного собеседника. – Задавать вопросы прерогатива живущих здесь. Там это ни к чему и даже наивно, – прервала она свое молчание, – а вот тебе может быть и стоит попытаться задать ему эти вопросы.

– Почему мне?

– Потому что у тебя еще есть время, чтобы, если получишь ответ, что-то изменить, переосмыслить. Я в своей жизни, да, наверное, как и все, неоднократно обращалась к нему с вопросами, очень разными, но так и не была услышана или точнее не удостоена ответа. Хотя кто знает, может быть, и были ответы, но я не сумела их услышать и понять. В моем возрасте задавать подобные вопросы о смысле – глупо. Ответы уже не принесут удовлетворения, это будет выглядеть как простое любопытство.

– А как вы их задавали?

– Да, как и все очевидно. Просто мысленно обращалась, в надежде на ответ или помощь. Мы же все представляем, что вот зададим вопрос и услышим ответ. Хотя если быть объективной, наверное, это страшно. Представь, задаешь вопрос или обращаешься за помощью и в ответ слышишь голос, пусть внутренне в виде отказа. Поэтому вопросы это повод озвучить их для себя, а потом свалить на него. Мы же ждем явного ответа, но и боимся его услышать.

– Но, наверное, это было бы неожиданно, вдруг прикоснуться к таинству. Много рассказов о видениях, встреч со святыми.

– Именно. Но не с ним. Хочешь попробовать?

– Не знаю. Не готов к этому.

– А ты попробуй. Не надо медитировать и прочее. Захочет, услышит.

– И что я спрошу?

– Хотя бы то, что озвучила я. Почему этот мир такой. Зачем он его создал? Кто ответит, если не он?

– Вообще жутковато вызывать его на встречу такими вопросами.

– Не будь наивным. Это просто вопросы. Это суд над созданным. Но бояться, я думаю, нечего. Если он действительно есть и Всемогуш, то обижаться не будет. Не к лицу сильному обижаться на слабого смертного. Может разгневаться, но он в силу своих возможностей – милосерден. Так, что дерзай.

– Не уверен, что сделаю это, но время покажет. Извините за не скромный вопрос. Почему вы одна? Может быть, это и наложило отпечаток на ваши мысли о нем?

– Так получилось. Я не могу сказать, что не счастлива. Все было и радость и горе, но видимо я несу ту ношу, которую в силах нести. Много работала, училась, снова работала. А что одна, так я не единственный одинокий человек, и не известно, что лучше, быть одинокой сама с собой, или одинокой среди людей. Я не озлобилась из-за того, что одинока. Глупо винить окружающих, Всевышнего. Это моя жизнь, я ее создавала сама, что же теперь злиться.

– Терпение нам всем не помешало бы.

Мы замолчали, и мне пора было уходить, – Спасибо за чай, но мне пора идти.

– Конечно, Это мне спешить не куда, а у тебя должны быть дела, ты не должен просто так убивать время, о чем потом приходится жалеть.

– Ну, что вы. Мне было приятно с вами поговорить. Это сейчас редкость.

– И тебе спасибо. У меня теперь будет время поразмышлять о нашей беседе. И спасибо за подарки в холодильнике.

– А можно, если будет случай, я к вам зайду?

– Случайностей не бывает, но заходи, если я к тому времени буду жива и здорова. – Увидев мой взгляд, добавила. – Не удивляйся, Дима. Думать о смерти не стоит, но не стоит и пренебрегать тем, что она есть. Никто не знает когда и как.

Я встал и направился к выходу. Она проводила меня и, не закрывая дверь смотрела мне вслед, пока я спускался. Уже на первом этаже я услышал щелчок замка, закрывающейся двери.

Идя к машине, я прокручивал в голове смысл беседы. Да, все-таки она неординарная личность, видимо ей довелось хлебнуть в жизни всего. Многие задаются вопросами, но не многие могут на них ответить, а она не получая ответа, сама находит объяснения.

Пока я возвращался домой, то постарался не погружаться в свои мысли, а только следить за дорогой и когда я вошел в квартиру, Вика была уже дома, и я рассказал ей о встрече.

– Да, видимо, тебе самому пора задуматься об ответах.

– Почему?

– Ты становишься философом, это возраст, когда задаешь вопросы самому себе и не получив ответа сам себе отвечаешь. В молодости проще. Там ответ находится быстро.

– Возможно. Но как искать ответ?– задал вопрос я сам себе.

Уже лежа в кровати, и думая о прошедшем дне, незаметно для себя стал задавать мысленно те же вопросы. «Если ты существуешь, то почему мир таков? Я не уполномочен быть судьей от имени человечества, но вопросы к тебе, от тех, кто их задавал, остаются без ответа. Так почему ты не снизойдешь, чтобы ответить на них? Разве так трудно? Или мы не достойны этого? Тогда зачем создавал? Родители должны давать ответы своим детям. А кто мы для тебя?» – крутились мысли в голове. В этих раздумьях я и заснул.

Глава 3. Посланник.

Время летело своим чередом и потихоньку видение той ночи и встреча с Ириной Сергеевной стали уходить в глубины памяти. Выбираться к Ирине Сергеевне не было возможности, да и повода. «Зачем я к ней приеду? Чай пить? Вести разговоры о духовном?» – задавался вопросами. Мне хватало текущей действительности. Я старался не ворошить память, давая ей возможность, когда надо, проявиться самой. Да, в общем, и ворошить-то было нечего. Мало ли у нас бывает видений, встреч. Память сохранит, конечно, но потребности для реальной жизни в этом не было. Все мы заняты добыванием хлеба насущного. А возвышенном? Я не считал, что думать о чем-то нравственном – потеря времени, но и предаваться этому не хотелось. Я обычный человек, со своими достоинствами и недостатками, и живу реальной жизнью. Разве только в кругу близких друзей можно просто рассуждать, за бокалом хорошего вина, о смысле жизни, о ее превратностях и неожиданностях, которые порой она преподносит. Применять извечное сослагательное наклонение с частицей «бы». Если бы и так далее. Вот тогда можно просто говорить, зная, что результата не ждешь, и что беседа ради беседы, когда не надо напрягать мозги, надеясь, что они есть и еще пригодятся в другой ситуации.

Так прошло около двух недель. В один из будних дней, который отличался только тем, что был понедельник, я вел в клинике прием пациентов, основную часть которых составляли пациентки. Меня не смущало, что впереди рабочая неделя. День выдался ясный, солнечный. С утра я проснулся с хорошим настроением и с ним же отправился на работу, которая при всей ее сложности общения, мне нравилась. Ничто не предвещало неожиданностей.

Так вот. Пациентки в основном были дамами состоятельными, и доставляли некоторые неудобства в общении, капризничали, вели себя высокомерно, правда, меньшинство. Разрыв между приемами составлял не менее десяти минут, чтобы исключить их сидение в очереди и не давать возможности им встречаться в коридоре лицом к лицу. Не все они любили друг друга, да и лица у всех были разные при общении. Каждая приходила на прием со своими вопросами, проблемами, которые сами себе и придумывали. Я, действительно научился видеть их глаза, в которых была просьба, надежда, уверенность, лукавство. Да, были и такие, которые откровенно пытались привлечь мое внимание, как мужчины, к себе, к своим формам. Что скрывать, часто они радовали глаз, но я надеялся, что в силу их капризности, больше их не увижу, понимая иллюзорность своих желаний, так как они приходили в дальнейшем на процедуры.

Рабочий день подходил к концу и был перерыв между приемами, когда ко мне зашел заведующий отделением, мой приятель Константин. Войдя, он устроился в одном из кресел, коих в кабинете было три, и посмотрел сквозь окно.

– Замечательная погода сегодня. Сейчас бы не здесь сидеть, а на веранде, гденибудь за городом и в молчании созерцать природу.

– Ты ко мне про природу пришел поговорить или по делу?

– Нет в тебе романтики, Дима. О делах наших говорить скучно, а о прекрасном – возможность дать отдохнуть душе.

– Да ладно. Ты и о душе!

– Да, представь себе, ничто человеческое мне не чуждо. Созерцать природу и чтобы рядом сидело милое создание, а главное, молча, которое тоже радовало бы глаз, и считать ее частью пейзажа.

– Зачем тебе немая?

– Ты циник. Чаще всего, как показывает мой опыт, очаровательные создания имеют сногсшибательную внешность, которая заменяет отсутствие всего остального.

– Ты, Костя, не там опыта набираешься. Есть и иные.

– Может быть ты и прав, но мне не встречались. Меня привлекают формы, все остальное вторично. Но я заскочил к тебе попросить об одном одолжении.

Я сделал удивленное лицо и спросил – Ты! Об одолжении! Эти два понятия в тебе не совместимы. Ты всегда привык указывать и не просить, а брать.

– Смешно. Покопаться бы в твоей родословной и узнать, нет ли у тебя в роду плотников.

– Почему именно они?

– Шутки плоские и отполированы.

– Стараемся, полируем, надо же, как то начальство привечать. Но все-таки что за одолжение? Хотя мне было приятнее поговорить о природе, о прекрасном.

– Кто бы сомневался. При твоей работе надо давать отдых глазам, которые видят за день столько прекрасных тел, но, увы, я по делу. Я посмотрел записи к тебе на прием и хочу попросить тебя принять одну женщину завтра после окончания работы.

– Она конечно прекрасна, необыкновенна? – иронично перебил его я.

– Да. Очаровательная женщина, но в ней есть что-то такое жесткое, холодное. Красивые глаза, приятный овал лица, но вот кожа на щеках грубоватая, как-то не вписывается в общий облик. Линия подбородка, линия губ очень уж энергичны. Надо все это скрыть.

– Что, когда касаешься щеки обдираешься? Ты присмотришься, вдруг это мужчина?

– Огорчу тебя – женщина.

– Если она так хороша, тогда что ей надо у меня? Я не занимаюсь хирургией.

– Она хочет процедуры, чтобы кожа была мягче, чтобы убрать, скрасить свою холодность.

– Знаешь, я не хирург и не стилист, ты ей наобещаешь, что я волшебник и с этим мнением она и придет.

– У тебя извращенный ум от частого созерцания женских лиц. Просто хорошие процедуры по твоему рецепту.

– Извращенный ум? Как я с тобой работаю, не могу понять. А главное, за что мне такой начальник? – улыбнувшись я, адресовал ему вопросы.

– Работаешь наверняка для того, чтобы получать заработную плату. Но ты себя переоцениваешь, называя это работой. Люди деньги платят, чтобы посмотреть полуобнаженные женские тела и красивые лица, а ты их руками трогаешь. Сказка, а не работа для сексуально озабоченных.

– Для них скорее пытка, душевная травма и не излечимая.

– Ладно, их травмы это забота психиатров. Наша, преобразовывать тела, чтобы радовали глаз. Ну, так что мне сказать знакомой? Я не могу отдать ее в другие руки. Твоим рукам я доверяю полностью во всех смыслах. А как профессионал ты умеешь, если захочешь, творить чудеса.

– Заметь, у этих чудес есть автор, – парировал я.

– Признаю. Значит договорились. Я знал, что ты добрый, отзывчивый человек. Побольше бы таких работников.

– Да, и чтобы ночевали здесь.

– Это как получится. Да, когда я заходил к тебе, около двери сидел мужчина. Он в графике? Мужчины редкие пациенты у нас.

Я посмотрел запись приема и, кивнув головой подтвердил, – Да, записался один. Он последний сегодня. Уходя, пригласи его войти, что время тянуть.

Мой приятель неохотно поднялся из кресла и направился к двери, выходя из которой обратился к невидимому мне пациенту, – проходите, пожалуйста.

В кабинет вошел мужчина, примерно моего возраста. Одет он был в джинсовый костюм: джинсы, короткая джинсовая куртка поверх рубашки в крупную бежевую клетку. Все было практически в ковбойском стиле, только без шляпы и коротких сапог, которые заменяли коричневые летние ботинки.

Я пригласил его сесть и посмотрел на его лицо, пытаюсь понять цель визита, так как лицо было чистым. Иногда ко мне обращались мужчины, но все вопросы были относительно кожи

лица, остальные части тела их устраивали. У этого клиента было красивое, загорелое лицо, коротко стриженные волосы, без единого седого волоса, хорошо сочетались со смуглой кожей. Нос чуть с горбинкой. Тонкая линия губ, придавала лицу чуть игривое выражение. Глаза его я видеть не мог, их закрывали дымчатые очки. Я видел их движение, но не видел цвет зрачков. В нем чувствовалась сила и уверенность. Даже сквозь дымчатые очки, его взгляд словно заглядывал внутрь собеседника, и в тоже время, это был тип мужчины, которые скорее приходят в гости на кофе, когда муж отсутствует, чем согласиться быть приглашенным на семейный ужин.

– Слушаю вас, – произнес я, глядя ему в лицо, – что привело ко мне? Что случилось?

– Видите ли, что со мной случилось, то произошло очень давно, и стало уже историей, – голос его звучал тихо и даже глуховато, что придавало некую таинственность, – на текущий момент я здоров так, что можно позавидовать. А привело вот что. Один мой, скажем так, знакомый хотел бы с вами встретиться, чтобы обсудить некоторые вопросы. Сам он, по ряду причин, прийти к вам не может.

– Он что, не может передвигаться?

– С передвижением у него полный порядок. Передвигается такими способами, что простому смертному не под силу. Для него передвижение не проблема.

– Что же тогда? Слишком занят?

– Занят? – переспросил загадочный клиент, – пожалуй, да. У него столько дел, что я иногда удивляюсь, когда он отдыхает. Столько забот. Как все успевает!

– Я вас не очень понимаю. Если он слишком занят, слишком значимый, то почему ко мне? У него должны быть иные возможности.

– Возможности есть. Да, он очень известен. Но вот странная особенность его существования. Все о нем знают, но никто его не видел.

– Вам не кажется, что у нас странная беседа для консультации у косметолога? – спросил я, всматриваясь в реакцию собеседника, и тут же подумал, – «Какой-то ненормальный, говорит загадками, ничего конкретного. Надо быть повнимательнее, мало ли что у него на уме, если он у него есть. Может действительно псих».

– Согласен, несколько странная, если не узнать сути. Но чтобы все понять, надо встретиться с моим знакомым. Я понимаю, что мое предложение выглядит, мягко говоря, бредом, но поверьте, я абсолютно нормален и здравомыслящ. Есть тема беседы, которая вам будет интересна.

– Видите ли, – я сделал паузу, чтобы корректнее сформулировать свою мысль, – я консультации на дому не оказываю, это во-первых. Во-вторых, вы ошиблись и обратились не к тому специалисту. Я врач-косметолог. Мое занятие – физическое воздействие на тело человека, посредством разных препаратов и кремов, чтобы сделать это тело более приятным, а для вашей темы, думаю, нужен психолог. Это их работа проводить беседы, так сказать лечить души.

– Смею вас заверить – душа не лечится. Если у нее есть страдания, муки, то их можно облегчить, но вылечить нельзя. Душу можно только очистить, но, увы, не у живого человека. Да моему знакомому этого и не надо. Он сам знаток человеческих душ, в этом ему нет равных.

– Извините, но наша беседа приняла не нужный оборот. Я еще раз повторяю, что я косметолог, а не психолог. Мое время стоит денег, и предназначено для косметических процедур и давайте закончим это пустой разговор. Если у вас нет вопросов по моему профилю, я предлагаю прекратить встречу.

Он внимательно посмотрел на меня и после некоторого молчания сказал: – Что касается материальной стороны, то ваше время будет, безусловно, оплачено. Я не стремлюсь отнять у вас время простым разговором. Но вот в чем дело, вам предлагают встречу не на дому, а на нейтральной территории, при этом обращаю ваше внимание, что встреча не столько в его интересе, сколько в вашей просьбе.

После последних слов, мое лицо, очевидно, выразило удивление, на что мой собеседник произнес, – именно так.

Стараясь погасить удивление, я постарался мягко сказать, не обидев собеседника, – Это беспредметный разговор. Я ни к кому в последнее время не обращался с просьбой о встрече.

– А вот здесь вы не правы, – он снял очки и посмотрел на меня. Я увидел, что у него разные глаза, один зеленый, другой карий, и они смотрели на меня жестко и печально. Это было какой-то миг и, надев очки он продолжил, – вы сами попросили о встрече, точнее о заседании. И прежде, чем согласиться, он захотел посмотреть на вас и изучить. Он не торопился, были видимо другие заботы, но в итоге он принял решение, и лишь теперь дал согласие, – и затем тихо, словно не хотел, чтобы кто-то нас услышал, шепнул, – помните грозовые тучи? А взгляд? Вот это и был мой знакомый.

Я замер, не зная, как реагировать. Я никому не говорил о том, что видел той ночью.

– Он знает о вас больше, чем вы можете себе представить.

– Вы хотите сказать, что вы приглашаете меня на встречу со Всевышним? – тихо произнес я, – бред какой-то!

– Ну, вам ли говорить о бреде! Вы быстро соображаете, что очень важно, я на это не рассчитывал и думал, что придется все разжевывать. Но вы сами этого захотели. Понятно, что не ожидали, думали, что это так мысли и не известно есть ли он. Но вот и результат. Он услышал ваше предложение и, обдумав, согласился. Я не знаю, почему он согласился, но это факт. Можете сами спросить у него, хотя надо ли это? А мне поручил передать, что ваше предложение принимается.

Я помнил прошлое, память мне подняла из глубин образ той ночи. Я помнил, что задавал вопрос, не зная можно ли это назвать обращением, да и не задумывался об этом.

– Я, конечно, обращался, но не думал, что это реально возможно.

– Как ни странно оказалось, возможно. Сам ему удивляюсь.

– А почему вы? Насколько знаю из истории, у вас не самые лучшие отношения и если правильно помню, то у вас разные глаза и вы...

– Да, я сатана, – не дал он мне договорить. – Я озвучу это сам, чтобы оградить вас от упоминания моего имени вслух. Нет необходимости звуками привлекать меня. Я уже здесь. А глаза могут быть разные и у людей, это не признак. А отношения? Они действительно прохладные. Но я лучше умею разговаривать с людьми. Опыта больше. Вот он и обратился ко мне, через своих помощников, чтобы я передал вам его согласие. Так что перед вами его противоположность – темная сторона.

– Но если вы тот, за кого себя выдаете, то почему нет запаха серы, а просто, вот так, пришли, а не появились неожиданно.

– Ну, ну. Вы же образованный человек. Не надо мыслить категориями средневековья. Хороший парфюм всегда предпочтительнее, а сера ранее была так, для эффекта, а не потому что из преисподней, где горят костры.

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом, в котором чувствовалась усталость и, улыбнувшись лишь уголками губ произнес: – Вы еще не до конца осознали ситуацию, которую создали. Я сам, тоже редко появляюсь перед человеком, обычно это делают мои многочисленные помощники, но учитывая, что он сам решил встретиться с вами, то мне было бы просто не прилично присылать кого-либо к вам. Это было бы не уважением. Но дам совет, надеюсь, вы понимаете, что рассказывать кому-либо о том, что вам предложил встречу Всевышний, а тем более рассказывать, что видели его или меня не стоит, вас сочтут за психа. Посудите сами, за свою жизнь редкий человек встречается лично со мной, не говоря о нем, но чтобы с обоими вместе и одновременно. Так что данная ситуация тяжелая ноша для вас, но вы сами так захотели. Расскажите, не поверят.

Необходимость молчания всегда и ложится тяжким грузом на душу. Вот и получается, что как бы несете чемодан без ручки, и бросить жалко и нести тяжело. И так всю жизнь. Единственное – это иногда поделиться мыслями, услышанными от него, как будто своими.

С трудом осознавая услышанное, и вынужденный принимать это за реальность, я вымолвил: – Согласен, но я, конечно не ожидал такого развития событий. Думал так, просто мысли.

– Вот в этом и беда ваша, людей. Думаете, зовете, а потом понимаете, зачем сделал? Еще бы вы ожидали. Вам редкая удача, кто видел его взор.

– И что дальше?

– Дальше, – он на мгновение задумался, – что откладывать. Вы можете завтра вечером встретиться с нами?

– У меня прием до семи. И это надолго?

– Я вас буду ждать завтра в начале восьмого у выхода из клиники. Что касается долго, то все относительно. Вы не беспокойтесь, время подвержено сжатию и сколько бы, не продлилась встреча, по меркам людей это может оказать всего несколько минут, так что дома будете вовремя и не пропадете. Да, вы не будете возражать, если я буду присутствовать на беседе, вернее, как вы хотели на заседании. Я предлагаю свою кандидатуру в роли свидетеля, адвоката. На роль прокурора не претендую – не мое. Все в одном лице. Что зря привлекать сторонних наблюдателей. Не бегай, не ищи, а так я рядом и все знаю и видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.